

Примечания и оглавление

1* Примечания автора отмечены цифрами, а примечания переводчика — звездочками.

2* De la justice dans la Révolution et dans l’Eglise.

3* Etudes sur la propriété littéraire, par MM. Laboulaye, père et fils, 1858.

4* De la propriété intellectuelle par MM. Frédéric Passy, Victor Modeste, P. Paillotet, avec préface de M. Jules Simon, 1859.

5 Комиссия состояла из 22-х членов и большинство её (18-ть голосов) высказалось за принцип бессрочности монополий. Меньшинство состояло, говорят, из гг. Флуранса (член института, секретарь академии наук), Низара (член института), Дюпона (сенатор и прокурор кассационного суда) и Дидо (Firmin Didot — типограф-книгопродавец). Странно, что люди, считающиеся представителями либерального направления, как гг. де Ламартин, В. Гюго, Ж. Симон, Фр. Пасси, Альф. Карр, Пельтан и друг. отстаивают это ультра-феодалное учреждение, тогда как к числу его противников принадлежат истинные друзья императорского правительства, каковы напр. Гг. Дюпон, Флуранс и Низар.

6 При этом случае я могу привести приговор императорского суда, лично меня касающийся. В 1836 году я издал (анонимно) учебник всеобщей грамматики в виде продолжения к *Éléments primitifs* Бержье. Книга почти вовсе не разошлась. Впоследствии, после более серьёзного изучения предмета, найдя свою книгу весьма несовершенною, я решился пожертвовать ею и продал оставшиеся экземпляры издания мелочному торговцу. Один книгопродавец выкупил их у лавочника в 1852 г. и пустил их в продажу под моим именем. Написав эту книгу, я и не думал от нее отрекаться, но не выставил на ней своего имени потому, что не был уверен в её достоинстве. По какому же праву постороннее лицо решилось продавать эту книгу и объявлять мое имя без всякого с моей стороны согласия, в то время, как я думал переделать свое сочинение и вознаградить вторым изданием убытки, понесенные от первого? — Конечно я имел право считать мои авторские и издательские права нарушенными. Безансонский коммерческий суд решил дело в мою пользу, но апелляционный суд взглянул на вопрос с другой точки зрения. Он решил, что процесс начат мною не из любви к истине, а вследствие оскорбленного самолюбия, вследствие желания уничтожить компрометирующее меня сочинение; что нельзя дозволить писателям подобным образом обманывать публику и т. д. На это я отвечал, что книгопродавцу следовало бы дождаться появления в свет нового издания моего сочинения и тогда, сравнив его с старым, он мог бы сколько угодно обличать меня перед публикою. Но не смотря на все эти возражения софисту было отказано. Решение суда было основательно только в одном пункте, именно в том, что мысль, обнародованная автором, становится с той поры общественною собственностью. Ко мне этого принципа нельзя было применить потому, что я в это время намеревался приступить к новому изданию своего сочинения, на что,

вследствие законом предоставленной мне привилегии, имел полное право. Следовательно, суд, допустив продажу под моим именем сочинения, от которого я отказывался, нанес мне значительный ущерб.

7* Под понятием коммандита разумеется сделка, посредством которой образуется такое торговое товарищество, в котором один или несколько членов распоряжаются делами, а прочие члены участвуют в предприятии только денежными выгодами т. е. вверяют свои капиталы активным членам. Такое товарищество в французском торговом кодексе называется *Société en commandite* (Code de commerce, art. 23, éd. N. Vacqua de Labarthe, Paris, 1862.) Наше законодательство называет такое общество товариществом на вере и говорит, что оно «составляется из одного или многих товарищей с приобщением одного или многих вкладчиков, которые вверяют первым известные суммы своих капиталов в большем или меньшем количестве». (2130 ст. 1 ч., X Т. Зак. Гражд., изд. 1857.) Профессор Мейер называет еще такое товарищество неполным и безыменным или анонимным. (Русское Гражд. Право Мейера, ч. 2. стр.351 и 352. изд. 2-ое., 1861 г.). Название анонимного общества (*société anonyme, unbenannte Gesellschaft*) применяется впрочем не к одним товариществам на вере, но (еще чаще) относится и к акционерным компаниям. (См. Code de commerce, art. 29, 30 и Bluntschli, Deutsches Privatrecht, München 1860, 2 Aufl, § 139, S. 383).

8* Переводя стоящее в подлиннике слово *prêt*, — ссудой, мы спешим оговориться, что употребляем слово ссуда в обширнейшем смысле, в том, в каком принято употреблять его в общежитии, а не в техно-юридическом его значении. На языке научном — ссуда означает договор, посредством которого одно лицо безвозмездно предоставляет другому на известное время (а иногда и без определения срока) право пользования каким либо движимым имуществом, причём ссужаемое лицо обязывается возвратить (по миновании надобности или срока) полученную вещь собственнику в том же виде, в каком она была принята. В общежитии же под ссудой понимается и отдача вещи на подержание и заем, причём безвозмездность вовсе не считается непременною принадлежностью сделки. Мы полагаем, что именно в таком значении употреблено Прудоном слово *prêt*, которое означает у него то заем (*mutuum, — prêt de consommation*), то ссуду (*commodatum, — prêt à usage, ou commodation*), то имущественный наем (*locatio rei, — louage des choses*).

9 Вопрос о праве собственности может быть любопытнейший из вопросов, занимающих XIX век, так как он интересен и с юридической, и с политической, и с экономической, и с нравственной точки зрения, долго был камнем преткновения и для публики, и для большинства писателей. Мне самому случилось на нем споткнуться, но я имею перед своими собратьями хоть то преимущество, что сразу понял всю трудность этого вопроса и предугадал его разрешение. Думали, что достаточно одного здравого смысла для разрешения задачи, которая обхватывает все стороны общественной жизни, которая в продолжении 4000 лет не поддается философскому анализу, основной принцип которой формально отвергался величайшими из мудрецов. И вот, зажмурив глаза, всякий вздумал лезть на арену и браться за защиту несчастного института, за что и награждался благодарностью народов, которые всегда поклоняются людям, отстаивающим дорогие их верования. И в академии, и на трибуне, и в школе, и в печати всякий хвастается тем, что разбил софиста; к чему же привела эта блистательная победа? Истина скрылась, а сомнение стало еще безнадежнее, самый же институт собственности подвергся таким

преобразованиям, что есть причина опасаться за его существование. Правительство, конечно, в этом несколько не виновато: усиливая репрессивные меры, изобретая новые гарантии, всеми силами отстаивая институт права собственности, оно и не вообразало, что право собственности вовсе не нуждается в подобных подпорках, что если оно теряет свою самостоятельность, то превращается в простую привилегию, утрачивает всякое значение; таким-то образом, вступив в союз со штыками, истина и справедливость безвозвратно погибают.

Так как для поддержания истины и справедливости в высшей степени важно, чтобы общество поближе познакомилось с этим вопросом, то я решаюсь вкратце изложить результат моих исследований о поземельной и литературной собственности.

Старые законники прямо говорили, что право собственности основывается на принципе завладения и не принимали никакой другой гипотезы. В подпору к праву завладения принимали еще принцип завоевания, с помощью которого новый владелец становится на место прежнего, побежденного, вступает в его права. В то время, когда еще признавали права сильного, когда на завоевание, — естественное последствие каждой войны, смотрели как на нечто вполне законное, подобное объяснение права собственности было вполне удовлетворительно. Явились Монтескье и Боссюэт и стали утверждать, что право собственности основывается исключительно на постановлениях положительного законодательства. В наше время эта теория оказалась несостоятельною и явились две новые. Одна кладет в основание права собственности — труд; этой теории держится г. Тьер в своем сочинении, «О собственности». Другая, считая мнение Тьера неблагонамеренным, полагает, что истинное основание права собственности лежит в индивидуализме; что право собственности есть проявление человеческого Я. К числу представителей этой теории принадлежат гг. Кузен и Фр. Пасси. Нечего и прибавлять, что положения этой теории кажутся пустыми и самонадеянными в глазах последователей Боссюэта, Монтескье и г. Тьера. Они основательно спрашивают: — почему же не все люди собственники, если для установления собственности нужны только воля, свобода, личность и человеческое Я?

В таком положении находился вопрос, когда и я с своей стороны взялся за его разрешение. Принявшись за разбор и очистку всех этих теорий, я доказал, что все они одинаково ложны; я показал, что факт завладения, сам по себе, не может породить никакого права; что авторитет законодателя заслуживает всякого уважения и об неповиновении законам не может быть и речи, но что в настоящем случае нужно осмыслить самый закон, доискавшись до его мотивов, что труд — вещь священная, но что право, им порождаемое, не выходит из границ простого вознаграждения, по известной экономической формуле: «услуга за услугу, продукт за продукт, ценность за ценность» и что труд никаким образом не может сообщить человеку звание поземельного собственника; что человеческое Я составляет только один из элементов права собственности, для которой необходимо соединение двух моментов: вещи усваиваемой, и лица, субъекта усваивающего, но что кроме того все-таки необходимо определить основания и условия завладения потому, что иначе всякий пролетарий явится к вам и в силу своего человеческого Я будет объяснять, что он также собственник.

Против мнения гг. Кузена и Фр. Пасси, приписывающих такое огромное значение нашему Я восстает само Евангелие, которое осуждает эгоистические стремления человека под

именем греха — любостяжания. Всякому известно, что первобытная церковь отвергала институт права собственности; впоследствии пришлось сделать уступку, но строгость первоначального принципа была удержана в устройстве монастырей. С падением Западной Римской империи пал и институт права собственности; на развалинах его под влиянием церкви и германского духа возникла феодальная система, окончательно разрушенная только в 1789 году.

Положив конец феодализму, революция, с некоторыми лишь ограничениями, восстановила римский институт права собственности, не подыскав, однако, философского ему объяснения. Текст закона перед нами, а мотивов не видно. Но так как в том периоде, который начался с революции, могут быть терпимы только рациональные учреждения, то праву собственности грозит теперь такая же опасность, как и в первые времена христианства. Неужели праву собственности суждено испытать катастрофу, неужели и мы восстанем против него вместе с примитивною церковью? Такой вопрос задают себе все следящие за ходом событий и видящие ретроградный поворот дел. Многие из отрицающих принцип права собственности не сознают в этом, а многие и сами того не сознают. Я укажу напр. на слепых защитников централизации, на барышничавший сен-симонизм, вооружающийся против семьи и против свободы, на церковь, хлопочущую о восстановлении погибших монастырей и о возвращении утраченных земель, на демократов, преклоняющихся перед абсолютизмом, бредящих о каком-то единстве и приходящих в негодование при одном имени федерализма.

Я совсем не так смотрю на вещи. Для меня еще недостаточно одного открытия эгоистичности и антисоциальности принципа собственности для того, чтобы я вооружался и против самого института; напротив, подобное открытие побуждает меня только к дальнейшим исследованиям. Мне кажется, что право собственности, до сих пор не понято обществом потому, что этот институт выше уровня современной цивилизации. Вместо того, чтобы требовать отмены права собственности, как делают это теологи, основатели разных религиозных орденов и коммунисты, я всегда протестовал против всякого коммунизма, гуввернементализма и феодализма; с другой стороны, я ревностно защищаю принципы промышленной свободы и конкуренции, я отстаивал семью и право наследования; теперь же, в книге, посвящённой борьбе против монополии, я громко заявляю, что право собственности представляет собою важный и запутанный вопрос, который нужно разрешать, а не оставлять без внимания. Современная критика обвиняет меня в противоречии и непоследовательности, нападает на вероломство моих выводов и на нахальство моих больших посылок, указывает на мое пристрастие к парадоксам, а между тем опыт с каждым днем все более и более подтверждает основательность моих положений. По мере того как принцип права собственности ослабевает под ударами промышленного феодализма, и абсолютизма верховной власти, общество чувствует, что и само оно распадается, а между тем не находит средств к защите. Насколько нелогичны все до ныне известные объяснения права собственности, настолько же безумно требовать в настоящее время уничтожения такого учреждения, которого мы еще не понимаем.

Возвращаясь к гипотезе литературной собственности я нахожу во первых, что нельзя брать для неё за образец собственность поземельную, которая и сама построена на мало известных началах; во вторых, как будет доказано во второй части настоящего сочинения,

каковы бы ни были мотивы учреждения поземельной собственности, они не могут быть применены к собственности интеллектуальной потому, что в мире духовном не можем иметь места право завладения.

Такова сущность моей в высшей степени консервативной мысли, которая, надеюсь, должна привлечь на мою сторону множество симпатий после того скандала, который поднялся вследствие моих критических исследований и выведенных мною формул. Но есть люди во всех партиях, и между красными и между белыми, считающие всякое рассуждение святотатством. Право собственности принадлежит к числу тех кумиров, относительно которых недопускается свобода рассуждений, к которым недозволяется применять критический метод Декарта. Говорить о праве собственности и его происхождении для подобных людей все равно, что подходить с огнем к пороху... даже более! — это значит предостерегать публику против их шарлатанских проделок и советовать ей держать руки в карманах. Плуты, нажившиеся барышничеством и рекламами, так и ждут приближения полицейского комиссара всякий раз как речь пойдет о праве собственности. Подобного страху мне не случалось видеть ни в одном из добросовестных собственников. Но пусть успокоятся эти, далеко не безупречные, защитники права собственности, в моей книге они не найдут доносов. Происхождением их прав может заниматься уголовный кодекс, но учёному исследованию до них нет никакого дела. Им, может быть, придется когда либо предстать перед судом полиции исправительной, но между их интересами и интересами настоящих, добросовестных собственников нет решительно ничего общего.

10* Такое название носит книжечка, заключающая в себе собрание скучнейших стихотворений Ламартина.

11* Но потомок Альфана или Баяра

Если он кляча, — продается за бесценок.

12* Закон 1844 г. о привилегиях на изобретения (*loi sur les brevets d'invention*) прямо говорит, что привилегия, выданная на чисто научное открытие — недействительна. Закон этот можно найти в сборнике Бакка де Лабарта. — *Côdes spéciaux de la législation française*, éd. de N. Vacqua de Labarthe-Code de la propriété littéraire et de l'industrie, p. 575. — art. 30. (Titre quatrième. Des nullités et déchéances).

13 Предложение — препятствовать распространению социализма посредством закрытия школ сделано было, если я не ошибаюсь, во время республики г. Тьером. Что же касается до журнализма, то я указал уже в другом сочинении (О федеративном начале — *Du principe fédératif*. 3-me partie. Ch. I) кого следует считать истинными виновниками продажности нашей прессы.

14* Фонтан — поэт времен первой империи, ярый бонапартист, во время революции держался умеренной партии, вследствие чего и принужден был удалиться из Франции. Впоследствии он попал в законодательный корпус и в речах своих отчаянно льстил Наполеону.

15 Уменьше выгодно продать свое сочинение, эксплуатировать не заслуженной репутацией, извлекать выгоды из любопытства и пристрастия публики, словом — литературное барышничество, развилось в наше время до неслыханных размеров.

Во первых теперь уже не существует добросовестной критики, все пишущее в журналах и газетах само не чуждо спекулятивных соображений. Всякий мало мальски уважающий себя человек, не желающий принимать участия в составлении реклам и угощать публику общими местами, принужден молчать. Шарлатанство стало на твердую ногу. Успех литературного произведения определяется ценою, за которую оно продано автором. В газетах объявляют, что вскоре появится новое произведение, с нетерпением ожидаемое, которое уступлено автором такой-то издательской фирме за 100, 200 или 500,000 франков. В большинстве случаев эта баснословная сумма существует лишь на словах потому, что самолюбию многих авторов льстит даже и номинальная ценность их произведений. Многие отдадут преимущество шарлатану, который обещает им 100,000 фр. и потом обанкротится, не заплатив ничего, перед добросовестным издателем, который заплатил бы 50,000 фр. наличными деньгами. Часто впрочем случается и то, что новичок в издательском деле, увлечённый громким именем, платит безумную цену и сам напрашивается на разорение. Ловкие издатели спекулируют даже и на формате книги. Первое издание литературного произведения бывает всегда дорого; сначала напускаются на карманы богачей, а потом уже и на бедняков; через несколько времени делают новое издание, изменяя и формат, и шрифт, и бумагу. Сочинение, заключавшееся в двух томах и продававшееся по 15 фр. через шесть месяцев издается в одном томе и продается за 3 фр. Таким образом цена его падает на 80 %. Столько же процентов следовало бы скинуть и со всех книг и со всех литературных репутаций.

16 Существование критики немыслимо при существовании литературной собственности, так как и сама критика обратится в привилегию. Истинно классические произведения редки и нет ничего легче как соединить в небольшой книжке все лучшие произведения какого нибудь автора. В 40 или 50 песнях высказался весь Беранже, без остальных трехсот или четырехсот легко обойтись. Вопрос в том будет ли дозволено составляющему курс литературы внести в свое сочинение эти 40 или 50 песен, которые даже и с примечаниями займут может быть не более $\frac{1}{4}$ тома? Но подобное разрешение может нанести существенный ущерб собственнику. Может случиться, что чтение этих избранных мест, помещённых в курсе, станут предпочитать чтению полных собраний сочинений; тогда и доход и право собственности издателя безвозвратно погибнут. Тоже самое можно было бы сделать и с лучшими романами. Так, критический разбор с перепечаткою в курсе словесности 50 страниц из «Собора Парижской Богоматери» (Notre-Dame de Paris) могли бы избавить всякого от труда читать весь роман Виктора Гюго. Всякая литература стремится к тому, чтобы обратиться в антологию, всякая философия хлопочет о том, чтобы облечь окончательные свои выводы в форму афоризмов, каждая история желает превратиться в разумную хронику. С другой стороны, так как литературное произведение есть в тоже время и предмет торговли, то довольно трудно определить до каких границ может идти это урезывание произведений автора. Что же делать?

17 Говоря в этом § о налоге на литературную собственность, я имел в виду только влияние подобного налога на взгляды и нравы общества. Не мешает обратить внимание и на то

влияние, которое этот налог окажет на книжную торговлю, которая и без того уже не пользуется слишком широкой свободой.

Естественно, что налог пал бы прежде всего на продавцов, а те, уже перевели бы его на публику. Если прибавить к этому налогу плату автору, от 8 до 12 % которой нужно уплатить вперед, то для издания в 1000 экземплярах книги, которая будет продаваться по 3 франка, книгопродавцу придется затратить средним числом до 300 франков, не включая в это число типографских издержек. Если такой книгопродавец издаст в год до десяти подобных книг, то ему придется затратить до 3000 франков; что же будет, если он поведет издания в более широких размерах? Ему придется уже затрачивать не тысячи, а сотни тысяч франков, а многие ли фирмы могут затрачивать подобные капиталы? Если же предположить, что правительство, для большей верности, станет еще требовать от издателей залога, то книжной торговле грозит неминуемый застой.

Оглавление От переводчика Литературные Майораты Вступление Часть первая
Экономические доводы § 1. Постановка вопроса § 2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ: С экономической точки зрения писатель — производитель, а сочинение его — продукт. Что понимается под словом производить? Свойство человеческой производительности § 3. Право производителя на продукт. — Понятие о производстве не влечёт за собою понятия о собственности § 4. О мене продуктов. — Из меновых отношений не вытекает право собственности § 5. Особые затруднения, встречаемые при мене интеллектуальными продуктами § 6. Прекращение авторских прав § 7. Разрешение некоторых затруднений § 8. О кредите и капиталах. — Понятия о сбережении, о капитале, о наемной плате (préstation) и о коммандите {7*} (commandite) не приводят нас к понятию о литературной собственности, аналогичной собственности поземельной и не могут служить основанием бессрочной ренты § 9. О господстве и личности. — Право завладения в области интеллектуальной § 10. Общий вывод: правительство не имеет ни права, ни возможности создать литературную собственность Часть вторая Нравственные и эстетические соображения § 1. Различие между вещами продажными (vénales) и непродажными (non vénales) § 2. О религии § 3. О правосудии § 4. О философии и науке § 5. О литературе и искусствах § 6. Почему некоторые продукты и услуги не могут продаваться? — Причины литературного торгашества § 7. Политическое бессилие — первая причина литературного торгашества § 8. Торговая анархия. — Вторая причина литературного торгашества § 9. Упадок литературы, вследствие её продажности. — Предвидимое изменение Часть третья Социальные последствия § 1. Каким образом начинаются и отчего не удаются революции § 2. Смысл закона о литературной собственности § 3. Присвоение интеллектуальной собственности § 4. Продолжение предыдущего: пожалование, скуп, фаворитизм § 5. Периодические издания § 6. О налоге на литературную собственность § 7. Учреждение промышленной собственности по образцу литературной: восстановление цехов и корпораций § 8. Влияние литературной монополии на общественное благосостояние § 9. Общий вывод. Еще о праве собственности

Версия #2

Зверобой создал 24 марта 2025 05:04:41

Зверобой обновил 24 марта 2025 05:11:19